

Запросы и предложения государственных крестьян Казанской губернии в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.

Известно, что в Казанской губернии в середине XVIII века абсолютное большинство населения было представлено государственными крестьянами. Юридически эта категория крестьянского населения была оформлена петровским указом в 1724 г., согласно которому в ее состав были включены и «ясашные люди и служилые мурзы» Среднего Поволжья из числа ясачных марийских, мордовских, татарских, чувашских, удмуртских, русских крестьян и немногочисленных служилых мурз, тарханов, однодворцев, содержащих ландмилицию и пахотных солдат. Эта социальная категория крестьянского населения Среднего Поволжья с разнообразным этноконфессиональным составом (христиане, мусульмане, язычники) проживала на исторически сложившейся территории «Казанской земли» предшествующего времени в бассейне реки Волги, начиная от Васильурска в верхнем ее течении и до Самары – в нижнем. Согласно административным реформам 1708, 1727–1728, 1763–1764 годов, это Казанская провинция с Казанским и Уржумским уездами; Свияжская провинция с Свияжским, Кокшайским, Цивильским, Царевококшайским, Чебоксарским, Козьмодемьянским, Яранским, Царевосанчурским уездами и «безуездным» Васильурском; Симбирская провинция с Симбирским, Самарским, Саратовским, Сызранским, Петровским, Корсунским уездами и с городами Алексеевск и Дмитриевск; Пензенской провинции с Пензенским, Саранским и Мокшанским уездами Казанской губернии¹.

Вышесказанная специфика, несомненно, сказывалась на жизнедеятельности и мировосприятии государственных крестьян рассматриваемого региона в период господства «просвещенного абсолютизма» в России. Об этом наглядно свидетельствуют и депутатские наказы в Уложенную комиссию 1767–1768 годов², в которых был представлен широкий спектр межсословных отношений, отразившихся в запросах и предложениях государственных крестьян, испытывавших большие тяготы и лишения от непосильных казенных податей и повинностей, а также произвола чиновников, духовенства и других притеснителей.

Конкретно в своем наказе прослойка бывших служилых мурз и тарханов из числа нерусских народов настаивала на исключении их из податного сословия и предоставлении старинных прав владения землей и крепостными людьми. Так, депутат от служилых мурз и татар Пензенс-

* © Иванов А.Г., 2011

кой провинции мурза Аюп Еникеев ходатайствовал, чтобы их, служилых мурз и татар, не смешивали с ясачными татарами, и претендовал на то, чтобы за ними закрепили права служилого дворянства, так как их предки были «природными князьями, мурзами», а не ясачными, и переселились они в Россию из Золотой Орды. По его словам, за службу государям князья и мурзы были награждены жалованными грамотами и поместьями землями. После принятия крещения многие мурзы были признаны по российским законам князьями, а некоторые — дворянами. Это же предложение было поддержано депутатом от служилых мурз и татар Симбирской провинции А.Г. Идебердеевым, который считал, что мурзы, служилые татары и их потомки должны пользоваться правом дворян в деле покупки и продажи имений и быть исключенными из подушного оклада³.

В известной степени к этим предложениям примыкали предложения русских однодворцев, содержащих ландмилицию, и, в известной степени, пахотных солдат, обративших особое внимание на тяжесть подушных платежей, рекрутской и других многочисленных податей и повинностей⁴.

Абсолютное большинство государственных крестьян губернии в лице бывших ясачных людей (татары, русские, марийцы, мордва, чуваша, удмурты и другие немногочисленные прослойки) настаивало на сохранении неизменности своей социальной принадлежности и запрете их передачи в частное владение русских дворян и заводчиков. В наказе новокрещеных марийцев Казанской провинции подчеркивалось: «Нас, ясачных черемис, дворянам и под заводы из наших братьев по случаю ея императорского величества их в услугах награждение рангами, в крестьянство не отдавать»⁵. Об этом же, в сущности, утверждали новокрещеные из мордвы и чувашей Пензенской и Симбирской провинций, настаивая перед верховной абсолютистской властью на том, чтобы «нам всем новокрещеным и ясачным быть вечно государственными ясачными крестьянами»⁶. Статус лично-свободного человека позволял государственным крестьянам, при всей тяжести казенных податей и повинностей, лихоимства и произвола чиновников и приказных людей, гонений православных миссионеров и приходских священников и других «мирских кровопивцев», в большей степени, чем крепостным крестьянам, реализовывать свои хозяйственные возможности.

Всеобщее недовольство государственных крестьян губернии вызывала существовавшая практика воеводского управления и судебные решения «по форме». В этом отношении наиболее радикальным явилось требование всего крестьянского населения из числа новокрещеных марийцев и чувашей Козьмодемьянского уезда 1761 г., предложивших Сенату в целях пресечения произвола приказных людей и воевод, вывести их из-под воеводского правления и передать в управление Главной команды по защищению новокрещеных⁷. Чувашские и мордовские крестьяне

Пензенской провинции настаивали на том, чтобы разбирательство уголовных и гражданских дел производить не воеводским судом, а созданным для защиты их интересов «государственно-ясажным судом». При этом судьи должны выбираться из среды самих «государевых ясажных крестьян, а не помещику или дворянину нас судить»⁸. Отмечая разорительные последствия воеводского суда «по форме», чувашские крестьяне Цивильского, Чебоксарского и Казанского уездов, а также русские ясажные крестьяне Свяжской провинции предлагали судебные разбирательства производить «третейским судом» из числа выборных авторитетных и добропорядочных лиц со стороны истца и ответчика⁹. Новокрещенные из чувашей и других народностей Симбирского уезда в этой связи настаивали на том, чтобы судные дела между ними «с посторонними повелено было производить следствиями», так как «суд по форме» производится «долговременно» и разорительно как истцу, так и ответчику. Они же при рассмотрении малых дел на незначительную сумму среди самих ясажных и новокрещенных крестьян предлагали рассмотреть «словесными судами»¹⁰.

Чрезмерно усилившееся стремление абсолютистской власти к регламентации всех сторон жизни и безудержные лихоимства чиновничества, жестокие преследования некрещенных и новокрещенных духовенством за выполнение традиционных народных языческих обрядов и молений, разорительный обман купечества и другие негативные факторы вынудили марийских крестьян Казанского уезда выдвинуть ряд мер, призванных, по их мнению, укрепить позиции общины и выборных «мирских властей». На основе норм обычного права в каждой сотне по выбору крестьян предлагалось избрать «по одному достойному и закона знающему сотнику». После приведения к присяге должно его наделить судебными полномочиями. «По своему закону словесным судом» дать ему право рассматривать небольшие крестьянские дела: исковые заявления на сумму не свыше 30 рублей, спорные и другие вопросы, кроме «татебных». При этом сотник обязан «судить самую истинною справедливостию». В тех условиях передача этих судебных функций в руки выборного крестьянской общины означала бы, что из-под контроля чиновников «присутственных мест» была бы изъята важнейшая часть системы незаконных денежных поборов. Ведь не секрет, что любое мало-мальское крестьянское прошение по существовавшим нормам рассматривал суд, производимый «по форме», что весьма было разорительно для крестьян. Особо оговаривалось, что нахождение сотника-судьи на своей должности целиком зависит от воли «все тех мирских людей». Неудобный «народу» сотник смещался, на его место выбирался более компетентный и порядочный человек. «Вторичным выбором» на своей должности предлагалось оставить лишь такого сотника, за которого высказалась вся община или больше ее половины. Нарушение сотником своих должностных функций карается на основе норм обычного права. Эти же нормы

обычного права должны регулировать отношения между сотниками различных сельских общин.

Вышеизложенное позволяло крестьянам ставить вопрос о том, чтобы выборному мирскому сотнику дать право принимать явочные прошения и изветы, являвшиеся прерогативой чиновников. Предлагалось Казанской губернской канцелярии снабдить всех сотников печатями для проставления штампов при выдаче ими 4-месячных временных паспортов крестьянам, уходившим на отхожие промыслы на заработки. Каждому сотнику следовало дать по специальной зашнурованной книге для записи денежных поступлений с мелких крестьянских дел и прошений. Собранные деньги в конце года направлялись в губернскую канцелярию.

Марийские крестьяне настолько желали реализации предлагаемых мер, что еще раз подчеркнули: «за дальностью, а особливо в летнее страдное время» многие крестьянские прошения не подаются в губернскую канцелярию, из-за чего «приключается интересу ея императорского величества ущерб».

Кроме сотника в наказе предлагались еще две выборные крестьянские должности. Один из них, лесной смотритель, выбирался «для смотра и бережения всякого звания заповедных лесов». Его следовало наделить правами вальтмейстера адмиралтейской конторы. Тем самым бы общины избавились от систематических поборов чиновников лесного ведомства, и вопросы лесопользования в значительной мере оказались под контролем выборного «мирских людей». Другой выборный крестьянин должен был следить за тем, чтобы проезжавшие воинские и гражданские чины не смели брать подводы и лошадей без уплаты прогонных денег, нагружать крестьянские подводы почтовым и другим грузом не свыше 15–20 пудов со «всеми вещами, людьми и телегою». Важным было требование о переносе подводных повинностей, выполняемых летом, на один зимний срок, как и повышение платы за несение этой повинности.

В целях уменьшения размеров подушной суммы, падавшей на общину, крестьяне требовали исключить из числа плательщиков всех нетрудоспособных и «умершие души». Вместо них следовало записать мальчиков, достигших 10-летнего возраста. Отданных в рекруты предлагалось исключить из ревизских сказок и из подушного оклада, не накладывая их платежи ни на кого-либо. Бездействовавшие «пустовые» мельницы следовало «выключить» из оброчных платежей.

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношениях общины и чиновников царской администрации, крестьяне в своем наказе оговаривали, что «та-тебные», «тайные» и ряд других дел являются компетенцией присутственных мест. В случае пропажи крестьянского имущества и скота хотя бы на сумму до 4 рублей виновного предлагалось сослать на каторжную работу в зачет рекрута. При рассмотрении «больших исковых дел» в

присутственных местах между самими общинниками или марийцами с русскими людьми «разных чинов» и крестьянами следовало бы, отмечалось в наказе, не проводить суда «по форме», так как от этого «разоряемся накрепко». Лучше провести краткое следствие по доношениям «со взятьем указных пошлин, что с челобитен взяты указано». Предусмотреть, чтобы в ходе судебного разбирательства «в силу указа 194 (1685/86) года» расходы и убытки с марийских крестьян не брать.

Наконец, марийскими крестьянами Казанского уезда выдвигалось требование о расширении прав свободы движения. Разрешить «беззапретно» переселяться «в разные губернии и в башкирские жительство». Это объяснялось тем, что «онье башкирцы ныне состоят в верноподданстве ея императорского величества»¹¹.

Государственные крестьяне вне зависимости от этно-конфессиональной принадлежности никак не могли мириться с тем, что их «ясачные дачи» подвергаются насильственному расхищению со стороны русских помещиков, приказных людей, купцов и других лиц. По свидетельству новокрещен из мордвы Пензенской провинции, их старинные земли «многие помещики, не боясь господ бога и не страшась прав е.и.в. указов, насильством своим, у нас, у новокрещен, завладели без всяких крепостей». В полосе активной помещичьей колонизации оказались и ясачные земли чувашских крестьян Симбирской провинции. В захвате общинных земель в Чебоксарском, Горной стороне Кокшайского и других уездов принимали участие и приказные люди. В своих требованиях ясачные крестьяне и новокрещены настаивали на возврате их захваченных земельных угодий — пашен, сенокосов, лесных и иных угодий¹².

Обремененные возросшей подушной податью, рекрутской и многочисленными казенными повинностями государственные крестьяне в поисках денег все более вступали в товарно-денежные отношения. Крестьянская торговля вопреки некоторым запретительным указам и противодействию купечества получала все большее распространение. В этой сфере особо весомой и значимой была городская, уездная, губернская и отъезжая торговля служилых мурз и ясачных татар, в том числе за пределами российского государства. Как отмечал в своем выступлении депутат Рахманкул Алкин от служилых мурз и татар, приписных к Казанскому адмиралтейству, «торги мы производили беспрепятственно», до принятия Торгового устава 1755 г. и вопреки противодействию русских купцов считаем необходимым дальнейшее ведение наших «торгов»¹³. С его мнением были согласны депутаты не только от служилых мурз и татар, но и от новокрещенных чувашей, марийцев, мордвы, настаивавших на свободной торговле для всех государственных крестьян¹⁴.

Заметное место среди нерусских крестьян занимал конфессиональный вопрос. С завершением полосы массовой христианизации народов Поволжья 1740–1764 гг. все более стали раздаваться голоса о веротерпимости, равенстве православных и неправославных, ликвидации пре-

град на конфессиональной почве, препятствовавших развитию торговли, найма и договорных отношений. Так, состоятельные крестьяне-язычники настаивали на возможности использования в своем хозяйстве наемного труда русских крестьян и православных сородичей. Служилые мурзы и татары требовали снять бюрократические преграды при строительстве новых мечетей. Ясачные татары Казанского уезда просили чтобы «в случае ссор, драк, займа денег до 10 рублей, разбирать муллами по Корану». Тем самым различные правовые вопросы внутри татар-мусульман предлагалось решать исходя из традиционных норм шариата. Предоставление льгот новокрещеным татарам, как и неравенство в свидетельских показаниях мусульман и православных, различные запрительные указы и гонения, в том числе запрет совершить хадж и посетить святые места в Мекке и Медине, не способствовали, по мнению татарских депутатов, сближению народов¹⁵.

В целом в рассматриваемом регионе каждая из сословных прослоек государственных крестьян отстаивала свои собственные интересы, нередко приводящие к столкновению с интересами других. Тяготы казенных податей и повинностей, ограничения и запреты, неравенство перед законом, противоправные действия чиновников разных уровней вызывали недовольство и предложения по отмене воеводской формы управления и изжившего себя проведения «суда по форме». Обращенные к верховной власти предложения и запросы государственных крестьян, как и сословных групп и социальных прослоек, в дальнейшем получили известное отражение в законодательных актах абсолютистской власти.

Примечания

¹ См.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 64–65, 126–129, 189–190.

² См.: Ташкин С.Ф. Иногородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам екатерининской законодательной комиссии. Казань, 1922; Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965; Артамонова Л.М. Наказы государственных крестьян Поволжья как источник по истории взаимоотношений разных национальностей // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 83–84; Она же. Отражение социальных конфликтов в наказах государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Социальные конфликты в России XVII–XVIII веков: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2005. С. 150–155; Иванов А.Г. Марийцы Поволжья и Приуралья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). Йошкар-Ола, 1993; Волков С.С. «Дополнения» к наказам нерусского крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1999. Вып. 9. С. 42–53; Исла-

ев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к веротерпимости. Казань, 2001; Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа: Китап, 2005; и др.

³ Сб. РИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 543–544; Т. 107. СПб., 1900. С. 224.

⁴ Сб. РИО. Т. 107. С. 604–605; Т. 115. СПб., 1903. С. 201–203.

⁵ Сб. РИО. Т. 115. С. 390.

⁶ Там же. С. 421.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 185. Л. 359–370.

⁸ Сб. РИО. Т. 115. С. 421.

⁹ Сб. РИО. Т. 115. С. 379–381, 411–415, 424–426, 427–428.

¹⁰ Там же. С. 353–356.

¹¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 98. Ч. 2. Л. 153–154 об.; Сб. РИО. Т. 115. С. 388–392.

¹² Сб. РИО. Т. 115. С. 353–354, 422, 439–440.

¹³ Сб. РИО. Т. 8. СПб., 1871. С. 141–142.

¹⁴ Там же. С. 82–83, 169–170, 141–143, 182–185, 223–224.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 32. С. 544; Т. 115. С. 227, 311, 320, 336, 392, 395, 402; Т. 134. СПб., 1911. С. 182.

*Л.М. Артамонова**

Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России)

Интерес к прошлому и культуре страны и родного края прививается трудами людей разных поколений. Во второй половине XIX в. этот интерес пробуждали у современников труды П.В. Алабина, о заслугах которого как общественного деятеля и исследователя век спустя уже своим соотечественникам напомнил П.С. Кабытов¹. Под редакцией П.С. Кабытова были переизданы или впервые опубликованы важные страницы алабинского наследия, других записок и сочинений о Самарском крае, архивных документов, позволившие по-новому рассмотреть многие малоизученные вопросы истории отечественной и региональной культуры². К их числу относится и история женского образования в Самаре и других местах юго-востока Европейской России до эпохи Великих реформ. Она рассматривается в данной статье с учетом как упо-

* © Артамонова Л.М., 2011